

УДК 316.624

Правовые копинг-стратегии в структуре правового самосознания несовершеннолетних: разработка конструкта

Рустам Рафикович Муслумов

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
mrr82@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1327-1590

Аннотация

Актуальность обусловлена цифровизацией общественных отношений, снижающей уровень правового самосознания и повышающей уровень риска криминализации несовершеннолетних. Пропорционально взрывному росту криминальных посягательств на данную категорию населения возрастает научный интерес к стратегиям совладающего реагирования личности на стресс, вызванный ее взаимодействием с социумом в юридически значимых ситуациях. Актуальность подкрепляется методическими и прикладными задачами формирования правового самосознания несовершеннолетних и молодежи как условия результативного применения правовых знаний в социальном взаимодействии. Целью исследования выступает разработка конструкта совладающего реагирования личности в ситуациях правового взаимодействия и его операционализация в виде методики изучения правовых копинг-стратегий. **Методология исследования** базируется на когнитивно-поведенческом подходе, теории когнитивных схем и репрезентаций, теории правосознания, а также концепциях копинг-стратегий. **Методы исследования** применяются для анализа и систематизации теоретической информации о правовом самосознании и взаимодействии, компонентах копинг-стратегии в целях концептуализации конструкта правовых копинг-стратегий. Эмпирическим методом выступают анкетирование и оценка характеристик внутренней согласованности шкал, операционализирующих конструкт правовых копинг-стратегий. **Результаты.** Теоретическим результатом исследования является разработка конструкта правовых копинг-стратегий. Конструкт базируется на интеграции когнитивно-поведенческого подхода, концепции копинг-поведения и теории правового самосознания, что позволило выделить три основных типа правовых копинг-стратегий (отстраняющийся, отстаивающий, приспособительный) и их реализацию в осознаваемой и неосознаваемой форме. Показано, что по результатам апробации на студенческой выборке ($n=160$) установлены удовлетворительные показатели внутренней согласованности. В результате операционализации конструкта разработана методика «Профиль правовых копинг-стратегий и убеждений (ППКУ)», направленная на выявление индивидуальных стратегий совладания с правовыми стрессорами в контексте формирования правового самосознания личности. Обосновываются методические и практические перспективы дальнейшей разработки конструкта и методики в областях правового просвещения, консультирования и профилактики правовой дезадаптации несовершеннолетних и молодежи.

Ключевые слова

правовое самосознание, копинг-стратегии, правовые стрессоры, психодиагностика правосознания, субъективная регуляция, правовое поведение

Для цитирования: Муслумов, Р. Р. (2025). Правовые копинг-стратегии в структуре правового самосознания несовершеннолетних: разработка конструкта. *Российский девиантологический журнал*, 5 (3), 386–402.

Original paper

Legal coping strategies in the structure of legal self-awareness of minors: developing a construct

Rustam R. Muslumov

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)
mrr82@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1327-1590**Abstract**

The relevance of the research is conditioned by the digitalisation of social relations, reducing the level of legal self-awareness and increasing the risk of criminalisation of minors. Proportional to the explosive growth in criminal offences against this category of the population, there is a rising scientific interest in strategies for individuals to cope with stress caused by their interaction with society in legally significant situations. The relevance of this issue is reinforced by the methodological and applied tasks of forming legal self-awareness of minors and young people as a condition for the effective application of legal knowledge in social interaction. Therefore, **the aim of the research** is to develop a construct of coping responses of a person in situations of legal interaction and its operationalisation in the form of a methodology for studying legal coping strategies. **The research methodology** is based on the cognitive-behavioural approach, the theory of cognitive schemas and representations, the theory of legal consciousness, and the concepts of coping strategies. **The research methods** are used for analysing and systematising theoretical information about legal self-awareness and interaction, components of coping strategies for the purpose of conceptualising the construct of legal coping strategies. The empirical method involves questionnaire survey and assessment of internal consistency characteristics of scales operationalising the construct of legal coping strategies. **Results.** The theoretical result of the research is the development of a construct of legal coping strategies. The construct is based on the integration of the cognitive-behavioural approach, the concept of coping behaviour, and the theory of legal self-awareness. It made it possible to identify three main types of legal coping strategies (withdrawal, advocacy, adaptation) and their implementation in conscious and unconscious forms. The results of testing on a student sample (n=160) reveal satisfactory indicators of internal consistency. Due to the operationalisation of the construct, the 'Profile of Legal Coping Strategies and Beliefs' methodology has been developed, aimed at identifying individual strategies for coping with legal stressors in the context of the formation of legal self-awareness of a person. Methodological and practical prospects for further developing the construct and methodology in the areas of legal education, counselling, and prevention of legal disadaptation of minors and young people are substantiated.

Keywords

legal self-awareness, coping strategies, legal stressors, psychodiagnostics of legal awareness, subjective regulation, legal behavior

For citation: Muslumov, R. R. (2025). Legal coping strategies in the structure of legal self-awareness of minors: developing a construct. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (3), 386–402.

Введение

В последние годы возрастает интерес к исследованию правового самосознания личности как одного из центральных факторов правового поведения и успешной социальной адаптации молодежи. Современные социокультурные трансформации, вызванные процессами цифровизации, усиливающаяся правовая неопределенность и риски правового нигилизма обуславливают потребность в более глубоком теоретическом и эмпирическом осмыслении механизмов становления и функционирования правового самосознания подрастающего поколения. Наряду с ростом криминальных посягательств, использующих правовую неосведомленность несовершеннолетних и молодежи в качестве инструмента принуждения к противоправным действиям, приобретает актуальность проблематика их правового самосознания – способность давать правовую оценку не только своим действиям, но и действиям окружающих. Особого внимания заслуживают стратегии совладания со стрессорами, определяющие способность осуществлять правовое взаимодействие, в том числе с субъектами правоприменения.

Однако в научной литературе отсутствует теоретически обоснованное и операционализированное понятие совладающего реагирования личности в ситуациях правового взаимодействия. Это позволяет говорить о необходимости введения и обоснования новой научно-психологической категории – *правового копинга*, понимаемой нами как специфические способы когнитивной и поведенческой регуляции личностью, находящейся в условиях правовой неопределенности, конфликтов или воздействия со стороны правовой системы, своего социального поведения.

Идея правового копинга основывается на теории регулирующего воздействия личности на свое поведение (теория копинга), дополняющей существующие концепции копинг-поведения в условиях адаптации к изменяющимся условиям деятельности и преодоления негативного воздействия внешних по отношению к личности факторов окружающей среды (Смолянкин, Алагуев, Тудупова, 2023). В области психологической теории и практики значимость изучения правового регулирующего поведения (названного нами правовым копингом) возрастает в контексте разработки эффективных подходов к правовому образованию, направленных не только на передачу знаний, но и на формирование устойчивых правовых установок, умений освоения новой правовой реальности цифрового общества, навыков конструктивного реагирования на криминогенные вызовы.

Исследования подтверждают, что активные формы образовательного взаимодействия, такие как правовые тренинги, ролевые игры, кейс-методы, способствуют более глубокому усвоению правовых норм и развитию правового сознания обучающихся, однако не охватывают в полной мере внутренние психологические механизмы совладания с правовыми стрессорами, что ограничивает их эффективность в контексте правовой социализации личности.

В настоящее время еще недостаточно изучен вопрос, какие именно копинг-стратегии реализуются субъектом в правовом контексте и как они структурно и функционально связаны с правовым самосознанием. Существующий теоретико-эмпирический материал, связанный с копинг-поведением, не позволяет в полной мере описать или классифицировать формы правового совладания, т. е. не обеспечивает основы для разработки диагностических

средств, способных выявлять и измерять правовые копинги как самостоятельный психологический конструкт.

Таким образом, обозначенная проблема приобретает особую актуальность в условиях необходимости разработки теоретически обоснованного и эмпирически подтвержденного представления о правовом копинге как элементе структуры правового самосознания (Шаранов, Устюжанин, 2018). Концептуализация данного понятия создаст предпосылки для углубленного научного анализа процессов правового совладания, а также позволит разрабатывать надежные психодиагностические инструменты, применимые в образовательной, правовоспитательной и социальной практике.

Целью исследования является теоретическое обоснование конструкта правового копинга как стратегии реагирования личности в ситуации правового взаимодействия.

Задачи исследования – построение теоретической модели, раскрывающей механизмы совладания с правовыми ситуациями; операционализация модели в форме конструкта психодиагностической методики, предназначенной для эмпирического изучения стратегий совладания со стрессом в ситуации правового взаимодействия.

В ходе исследования проведен теоретический анализ и разработана модель, объединяющая копинг-поведение и правовое самосознание, а также конструкт диагностической методики правовых копинг-стратегий. Определены перспективы применения инструмента в системе правового воспитания, консультирования и профилактики правовых девиаций.

Теоретические основания исследования

Проблема формирования правового самосознания и его психологических механизмов освещается преимущественно в рамках социально-когнитивной, культурно-исторической и деятельностной парадигм. В отечественной научной традиции значимый вклад в разработку соответствующего понятия внесли А. Р. Ратинов, В. Е. Емельянов, Н. А. Фомин, И. А. Бойцова, рассматривавшие правовое самосознание как комплексное психическое образование, включающее в себя когнитивные представления о праве, эмоционально-ценностные установки по отношению к нему, а также поведенческую готовность к реализации правовых предписаний (Муслумов, 2019; Ратинов, 2016). В зарубежных исследованиях данная категория соотносится с концептом *legal consciousness*, который интерпретируется как совокупность установок, представлений и практик, детерминирующих правовое поведение индивида (Ewick & Silbey, 1998; Merry, 2006).

Одновременно с этим при изучении особенностей реагирования субъектов на правовые вызовы все чаще используется понятийный аппарат общей психологической теории копинг-поведения, разработанной Р. Лазарусом и С. Фолкман и получившей развитие в отечественной адаптации в трудах Т. Л. Крюковой, В. А. Бодрова, Е. И. Рогова, Н. Е. Водопьяновой и др. (Смолянкин и др., 2023). В рамках данной теории копинг-стратегии трактуются как изменчивые поведенческие и когнитивные реакции, направленные на преодоление либо снижение интенсивности психоэмоционального напряжения.

Анализ современных отечественных и зарубежных публикаций показывает, что исследование копинг-поведения в правовом контексте преимущественно проводится на материалах профессиональной среды (юристы, судьи, сотрудники правоохранительных органов) и в работе с подростками с девиантным поведением. Так, в трудах Н. И. Хохловой и Л. В. Шибяевой (Хохлова, Шибяева, 2024), М. С. Андрианова (Андрианов, 2021), Р. Ш. Сабировой и М. М. Умуркуловой (Сабирова, Умуркулова, 2018) рассматриваются индивидуальные и профессионально-мотивационные особенности копинга у юристов и полицейских, а исследования Р. Н. Ветренко (Ветренко, 2024), Е. Б. Лактионовой и Ю. С. Пежемской (Лактионова,

Пежемская, 2021) акцентируют внимание на несовершеннолетних с нарушениями правовой социализации. Несмотря на важность этих данных, в основном они касаются либо адаптации к профессиональному стрессу, либо реакций на правовые санкции без системного анализа стратегий поведенческого реагирования в правовых ситуациях.

Существующий эмпирический массив, несмотря на разнообразие тематик, демонстрирует ограниченность в теоретической систематизации понятия «правовой копинг». Большинство исследований используют общий понятийный аппарат копинг-поведения без привязки к специфике правовых норм, процедур и контекстов. Это приводит к размытости операционализации феномена: правовые аспекты чаще выступают как фон или источник стресса, а не как объект осмысленного психологического реагирования. Таким образом, прослеживается дефицит разработок, интегрирующих юридический и психологический дискурс в единое аналитическое поле, что указывает на необходимость концептуализации правового копинга как самостоятельного исследовательского направления.

Методологическая обоснованность интеграции указанных теоретических подходов продиктована тем, что правовые ситуации, с которыми сталкивается субъект, нередко выступают не только как сферы реализации правовых норм, но и как источники стресса, требующие включения адаптивных механизмов. В связи с этим анализ правовых копинг-стратегий предполагает опору как на структурные компоненты правового самосознания, так и на положения общей теории психологической адаптации к стрессовым воздействиям.

Исследование базируется на совокупности ключевых методологических ориентиров, способствующих целостному раскрытию предлагаемой модели. Центральным положением выступает когнитивно-поведенческий подход, согласно которому поведение индивида в правовых обстоятельствах определяется взаимодействием его когнитивных схем, аффективных оценок и поведенческих паттернов. Именно в логике данного подхода становится возможным рассматривать копинг-стратегии как воспроизводимые формы совладающего поведения, актуализирующиеся при столкновении с правовыми угрозами. Дополняет его теория когнитивных схем и репрезентаций, позволяющая более глубоко раскрыть содержание и структуру ментальных моделей, активирующихся в юридически значимых ситуациях. В рамках этой теории правовые копинг-стратегии интерпретируются как результат актуализации устойчивых когнитивных образов, например схем власти, справедливости, вины или правовой беспомощности, которые влияют на восприятие правового конфликта и выбор стратегии совладания с ним. Таким образом, когнитивный компонент правового самосознания раскрывается не только через уровень правовой осведомленности, но и через специфику когнитивных репрезентаций, определяющих субъективную значимость и интерпретацию правовой ситуации.

Системно-деятельностный подход дополняет указанные позиции, позволяя рассматривать правовое самосознание не только как когнитивно-ценностную структуру, но и как результат, форму и одновременно регулятор субъектной активности в правовой сфере. В логике этого подхода, предложенного в отечественной психологии С. Л. Рубинштейном и развиваемого А. В. Брушлинским, личность предстает как субъект, преобразующий реальность в рамках социокультурных норм и личностных смыслов. Исходя из этого, правовые копинг-стратегии можно интерпретировать как операционализированные формы поведенческой и когнитивной саморегуляции, возникающие в ответ на правовые затруднения, угрозы или неопределенности. Эти стратегии не являются изолированными реакциями на стресс, а входят в состав более широкой системы произвольной регуляции, обеспечивающей субъекту возможность адаптивной интеграции в правовое пространство с учетом норм, санкций и возможностей самоопределения в правовом поле.

Не менее значимым является и учет культурно-исторической парадигмы (Л. С. Выготский), в рамках которой правовое самосознание формируется в процессе интериоризации правовых значений и норм, передаваемых посредством языка, институтов и социокультурного взаимодействия.

В дополнение к указанным позициям целесообразно учитывать также структурно-функциональный подход, который позволяет рассматривать правовое самосознание не только как внутренне организованную систему взаимосвязанных компонентов, но и как функциональный механизм регуляции поведения субъекта в правовой сфере. В рамках данного подхода выделяются когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий уровни, каждый из которых выполняет специфические функции: идентификационную, регулятивную, смыслообразующую и прогностическую. Такая перспектива позволяет интерпретировать правовые копинг-стратегии как функции данной структуры, направленные на поддержание целостности правового «Я», адаптацию к правовым вызовам и устойчивую саморегуляцию в условиях правовой неопределенности.

Таким образом, совокупность методологических установок обеспечивает многомерный анализ исследуемого явления и позволяет интерпретировать правовые копинг-стратегии не только как описательную категорию, но и как прогностически значимую и диагностически применимую конструкцию, обладающую высоким эвристическим потенциалом.

Правовое самосознание как область психологического исследования. В современной научной литературе прослеживается устойчивая тенденция к разграничению понятий «правосознание» и «правовое самосознание» как концептуально различных, хотя и взаимосвязанных категорий. Если термин «правосознание» на протяжении длительного времени оставался основным в правовой психологии и юриспруденции, то категория «правовое самосознание» начала оформляться сравнительно недавно, преимущественно в рамках психологического и аксиологического подходов, ориентированных на внутреннюю субъективную реальность индивида.

Правосознание традиционно трактуется как форма общественного сознания, представляющая собой систему знаний, установок, представлений и оценок о праве, его роли в обществе, законе, справедливости и юридических институтах. Оно может проявляться на индивидуальном, групповом и массовом уровнях, охватывая правовую культуру, идеологию и общественное мнение.

В то же время правовое самосознание рассматривается как интегративное личностное образование, включающее осознание субъектом своей правовой роли, прав, обязанностей, целей и ценностей в правовой системе. Оно формируется в процессе правовой социализации и является частью общей Я-концепции личности. Правовое самосознание представляет собой личностно окрашенное отражение правовой реальности, в котором центральную роль играет переживание себя как субъекта права.

На наш взгляд, правовое самосознание личности представляет «процесс и одновременно результат выработки личностью относительно устойчивой осознанной системы представлений о самой себе в правовом пространстве, включающей осознание себя субъектом права, своей роли, целей, интересов, ценностных ориентаций, идеалов и мотивов правового поведения» (Муслумов, 2019). Предлагаемое определение расширяет и уточняет имеющиеся подходы, акцентируя внимание не только на статусно-ролевом осознании, но и на динамическом, процессуальном характере становления правовой идентичности, а также на внутренней системе ценностей, мотивов и идеалов, детерминирующих правовое поведение. В отличие от концепций, ограничивающих правовое самосознание описанием прав, ролей и обязанностей, данное понимание включает элементы правовой рефлексии, смыслообразования и волевой

саморегуляции, что позволяет интерпретировать правовое самосознание как многомерную и развивающуюся систему личностного самоопределения в правовой среде.

В целом разграничение терминов «правосознание» и «правовое самосознание» заключается в том, что правосознание отражает более общий, нормативный и культурный пласт отношения к праву, в то время как правовое самосознание фиксирует внутреннюю субъективную правовую идентичность, способность к правовой рефлексии и осознанному самоопределению в правовом поле. Анализ научной литературы позволяет выделить трехкомпонентную структуру правового самосознания, включающую когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты. Такая структура во многом перекликается со структурой правосознания, традиционно описываемого как совокупность знаний о праве, эмоционального отношения к нему и готовности к правомерному поведению (Емельянов, 2003). Однако в контексте правового самосознания каждый из этих компонентов приобретает личностно-рефлексивное измерение, фиксируя отношение индивида не к праву вообще, а к своей позиции в правовой системе.

Когнитивный компонент правового самосознания характеризует уровень осведомленности индивида о правовых нормах, правах, обязанностях, а также способность применять эти знания к собственной жизненной ситуации. В отличие от правосознания, где знание о праве часто носит обобщенный характер, здесь речь идет о персонализированном восприятии права через призму «Я в праве» – представлений о себе как субъекте правовых отношений. Как отмечал А. Р. Ратинов, правосознание – это сознание человеком своей включенности в правовую систему и своей позиции в ней (Ратинов, 2016), и именно это переживание становится центральным в когнитивной составляющей правового самосознания.

Эмоционально-оценочный компонент отражает субъективное отношение личности к собственному правовому статусу и включает такие характеристики, как самооценка, самоуважение, принятие себя в правовой роли, удовлетворенность своим положением в правовом пространстве. Если в правосознании эмоции по отношению к праву часто отражают идеологические установки или коллективные чувства (например, доверие к закону, ощущение справедливости), то в правовом самосознании акцент переносится на аффективное восприятие самого себя как правового субъекта.

Поведенческий компонент включает устойчивые поведенческие установки и реальные действия, проявляющиеся в правомерном или противоправном поведении, уровне правовой активности, способности к саморегуляции и самоконтролю в юридически значимых ситуациях. В отличие от правосознания, где поведенческая составляющая предполагает общую установку на соблюдение норм, правовое самосознание охватывает внутреннюю готовность личности включаться в правовые отношения на основе личных смыслов, целей и убеждений.

Формирование правового самосознания обусловлено как внешними факторами (социальная среда, образование, юридическая культура, институциональное влияние), так и внутренними регуляторами (ценности, Я-концепция, жизненные смыслы, правовые идеалы). В этом контексте правовое самосознание выступает не только как механизм правового поведения, но и как индикатор личностной зрелости и уровня интеграции субъекта в правовое пространство. Способность воспринимать правовую норму как внутренний регулятор и осознавать свою правовую идентичность свидетельствует о высоком уровне сформированности правового самосознания.

Стоит отметить: несмотря на интерес к проблеме правового самосознания, до настоящего времени сохраняется дефицит надежных и валидных психодиагностических методик, позволяющих комплексно оценивать его структуру и уровни сформированности. Имеющиеся инструменты ориентированы на отдельные составляющие самосознания, причем

с преобладанием его когнитивного компонента, тогда как эмоционально-оценочная и поведенческая составляющие недостаточно операционализированы. Как следствие, исследовательский инструментарий не обеспечивает должного охвата проявлений изучаемого феномена, особенно для разновозрастных групп. Особую сложность представляет диагностика правового самосознания в контексте динамически изменяющейся социальной реальности, в условиях которой нормативные основания правового выбора становятся предметом рефлексии и критического осмысления.

Выявление доминирующих форм отношения к себе в системе права, правовых установок и стратегий поведения в юридически значимых ситуациях требует разработки комплексного инструментария, отражающего психологическую специфику правового самосознания как целостного образования.

Конструкт правовой копинг-стратегии. Копинг как ключевая категория психологии совладания со стрессом рассматривается в научной литературе как совокупность когнитивных и поведенческих усилий, направленных на преодоление или смягчение воздействия стрессора. Классическое определение копинга было предложено Р. Лазарусом и С. Фолкман, которые понимали его как постоянно изменяющийся набор когнитивных и поведенческих реакций, направленных на управление внешними или внутренними требованиями, воспринимаемыми как превышающие ресурсы индивида (Lazarus & Folkman, 1984). В отличие от механизмов психологической защиты, копинг-стратегии являются, как правило, осознанными и целенаправленными, актуализирующимися в ответ на значимые жизненные вызовы.

Сложившаяся вот уже более чем 40 лет назад научная традиция демонстрирует разнообразные основания выделения копинг-стратегий. Так, Лазарус и Фолкман различают проблемно- и эмоционально-ориентированные стратегии, а Н. Эндлер и Дж. Паркер вводят третью категорию – избегающе-ориентированный копинг. Современные подходы детализируют эти классификации, выделяя параметры осознанности, направленности (на проблему или на эмоциональное состояние), эффективности (адаптивные и дезадаптивные формы), а также стабильности и контекстуальной зависимости копинг-реакций.

Предметное поле, как и видовое разнообразие копинг-стратегий, расширяется с момента возникновения данного понятия. Так, копинг-стратегии изучаются у лиц, осуществляющих правосудие (Кузьмина, Довгань, 2024), поведение субъектов правоприменения – сотрудников органов внутренних дел (Хохлова, Шибаева, 2024; Цветков, Новосельская, 2024), в том числе в особых условиях оперативно-служебной деятельности (Абрекова, Пономарь, 2024; Лебедев, 2024). Рассматриваются копинг-стратегии лиц, склонных к антиобщественному и криминальному поведению (Григорьева, 2022), в том числе осужденных (Шарипова, 2024), склонных к деструктивным реакциям (Чертовикова, 2024). На наш взгляд, разработка аспектов копинга в контексте правового поведения объясняется возможностью конструкта объяснять и предсказывать реагирование личности в различных контекстах жизнедеятельности, интегрируя ее индивидуальные и социальные возможности в целостном психологическом механизме.

Методология идентификации копинг-стратегии связана с определением стрессора, выявлением его негативного влияния, определением способов реагирования личности и оценкой их эффективности. Конечно, идентификация копинга выступает поверхностным, во многом внешним (поведенческим) маркированием реагирования личности на стресс, тогда как внутренний (психологический) механизм, равно как и факторы, влияющие на его формирование, скрыты и поэтому представляют собой ключевую цель исследования. Ясно, что в этот процесс вовлечены и когнитивные, и эмоциональные компоненты, представления и установки, ценности и ожидания личности. Однако архитектура их связей с конкретным стрессором, описание структуры и функций психологического механизма совладания с его влиянием являются

наиболее эвристически ценными как для теории копинг-поведения, так и для практической психологической работы. В контексте нашего исследования данная задача решается применительно к правовому поведению личности.

Обосновывая необходимость выделения правового копинга задачей совладания личности со стрессом, целесообразно рассмотреть феноменологию правовой регламентации жизнедеятельности. Она характеризуется нормативным закреплением форм и способов реализации ее гражданских прав, необходимостью доказывания своей позиции, длительностью и возможной неопределенностью результата. Взаимодействие участников правоотношений определяется их способностью использовать правовые знания, умения и навыки, необходимостью соблюдения процессуально установленного порядка, высокой ценой правовой ошибки и в некоторых случаях невозможностью ее исправления. Учитывая изложенное, ситуации правового взаимодействия обладают высокой значимостью и вместе с тем неопределенностью. Таким образом, у личности возникает необходимость в использовании специфических стратегий совладания, направленных на сохранение психологической устойчивости, правового статуса и субъектной активности.

Правовые копинг-реакции характеризуются не только попытками поведенческого решения проблемной ситуации (например, обращение за юридической помощью), но также включают когнитивные и эмоциональные формы реагирования, направленные на снижение субъективного дистресса, поддержание самооценки и ощущение контроля. В то же время правовой контекст предъявляет особые требования к поведению индивида, ограничивая спектр допустимых действий рамками правовых норм. Это обстоятельство способствует выражению правовых копинг-стратегий, создавая возможность их эмпирического изучения.

Операционализация правовой копинг-стратегии предполагает ее описание в терминах противодействия стрессовой реакции с определением измеримых параметров на уровне осознания, эмоционального реагирования (оценки) и поведения. Соответственно, правовая копинг-стратегия может быть рассмотрена как совокупность осознанных или частично осознаваемых когнитивных, эмоционально-оценочных и поведенческих реакций, направленных на преодоление правовых стрессоров, возникающих в условиях юридической неопределенности, угрозы санкций или нарушения правового статуса личности. Эти стратегии опосредованы уровнем сформированности правового самосознания и реализуются как способы актуализации и мобилизации правовых ресурсов субъекта, включая его представления о себе как носителе прав, способности к нормативной рефлексии, правовой самооценке и установкам на правомерное поведение.

Правовые копинг-стратегии выступают не только как ответ на внешние правовые вызовы, но и как проявление внутренней активности правового самосознания, обеспечивающей адаптацию личности в условиях правового давления или конфликта. В плоскости социального поведения, на наш взгляд, правовые копинг-стратегии могут быть классифицированы по нескольким основаниям: во-первых, по доминирующему механизму: избегание, проявляющееся в уходе от правовой проблемы и отказе от активных действий; капитуляция, выражающаяся в принятии негативной ситуации и снижении субъектной активности; гиперкомпенсация, характеризующаяся чрезмерным контролем, агрессией или манипулятивным поведением в правовом поле; во-вторых, по степени осознанности: от автоматических импульсивных реакций до рефлексивных и стратегически выстроенных форм поведения; в-третьих, по функциональной направленности: от адаптивных стратегий, обеспечивающих эффективную правовую саморегуляцию, до дезадаптивных, сопровождающихся эмоциональной дезорганизацией и снижением правовой активности.

Однако в рамках настоящего исследования мы исходим из принципиальной позиции, согласно которой не существует универсально «неконструктивных» копинг-реакций:

значимость и адаптивность конкретной стратегии могут быть поняты только в контексте индивидуальных ресурсов субъекта, специфики правовой ситуации и ее субъективной оценки. Это позволяет избегать нормативных ярлыков и анализировать совладающее поведение как динамический процесс смысловой и поведенческой саморегуляции в правовом поле. В этом контексте любая стратегия, от избегания до активного правового противодействия, может быть функционально уместной, если она обеспечивает субъективную управляемость ситуацией, поддерживает целостность правовой Я-концепции и способствует сохранению нормативной самоидентичности. Именно способность субъекта осознанно мобилизовать, трансформировать или переоценивать свои стратегии в зависимости от контекста и внутренних целей составляет сущностную основу развитого правового самосознания.

Подобный подход находит подтверждение и в ряде современных эмпирических и теоретических исследований. Так, уже в начале 2000-х годов жесткое деление стратегий на конструктивные и неконструктивные было подвергнуто критике как методологически ограниченное и недостаточно учитывающее ситуативную и личностную вариативность. В частности, Skinner и соавторы (Skinner et al., 2003) подчеркивают, что одна и та же стратегия может выступать как адаптивной, так и дезадаптивной в зависимости от конкретных обстоятельств, целей субъекта и его ресурсной обеспеченности. Например, стратегия избегания в условиях правовой угрозы может временно снижать уровень тревожности, восстанавливать внутреннее равновесие и служить формой самосохранения в ситуациях, где немедленное прямое решение невозможно или сопряжено с дополнительными рисками. Это подтверждает необходимость анализа копинг-реакций не как статичных форм, а как динамических проявлений правового самосознания, соотносящихся с задачами внутренней регуляции и поддержания субъективной целостности в правовой сфере.

Подобные выводы находят подтверждение и в более поздних метааналитических исследованиях. Так, в обобщающем анализе 142 эмпирических работ Cheng, Lau и Chan (Cheng, Lau, & Chan, 2014) подчеркивают значение феномена копинг-гибкости – способности субъекта варьировать стратегии совладания в зависимости от контекста, а не следовать фиксированному стилю. Авторы отмечают, что применение эмоционально ориентированных или даже уступающих форм копинга не обязательно свидетельствует о слабости или дезадаптации; напротив, такие стратегии могут быть психологически эффективны, если позволяют сохранить личностную целостность, предотвратить вторичную травматизацию или временно стабилизировать самооценку.

В связи с этим концептуализация копинг-стратегий в правовой сфере требует пересмотра устаревших бинарных категорий. Такие стратегии, как избегающий, протестно-конфликтный или уступающий копинг, не должны априорно трактоваться как дезадаптивные. Напротив, их функциональность следует оценивать через призму конкретной юридической ситуации, субъективной угрозы, доступных ресурсов и степени правовой субъектности индивида. При этом важно рассматривать правовое поведение как совокупность тактик, в числе которых, например, временный отказ от действия, уступка или усиленная активизация правовых действий могут быть элементами стратегии, приводящей к психологической и правовой адаптации. Следовательно, разработка моделей копинга в правовом поле должна базироваться не на этически или нормативно окрашенной классификации стратегий, а на анализе их ситуативной уместности, регуляторной функции и долгосрочных последствий для правового самосознания личности.

Соответственно, типология правовых копинг-стратегий позволяет концептуализировать разнообразие поведенческих и когнитивных реакций личности на юридически значимые стрессоры и служит основанием для разработки психодиагностического инструментария, направленного на их эмпирическое выявление и анализ.

Правовые копинг-стратегии в структуре правового самосознания. Правовое самосознание личности формируется не только как результат интериоризации правовых норм, но и как следствие активного включения субъекта в правовую действительность. Одной из форм этой активности выступает выбор и реализация правовых копинг-стратегий в условиях юридически значимых стрессоров (Хитрова, 2024).

Такие стратегии отражают не только ситуативное поведение, но и более глубокие представления личности о себе в правовом пространстве. Стратегия совладания со стрессом в сфере правоотношений сопровождается внутренней оценкой происходящего, рефлексией правового статуса и способов его защиты, что делает его тесно связанным с динамикой правового самосознания. Адаптивные копинг-стратегии способствуют укреплению ощущения себя как субъекта права, развитию нормативной чувствительности, способности к самоорганизации и нормативному выбору. Напротив, преобладание дезадаптивных форм (например, избегания, пассивной капитуляции) может усиливать правовой нигилизм, чувство отчужденности и правовую тревожность.

При этом важно понимать, что сами по себе стратегии копинга не являются однозначно конструктивными или деструктивными. Их эффективность зависит от степени интериоризации правовых норм, от личностных ресурсов и уровня сформированности правовой идентичности. В этом смысле копинг выступает не просто индикатором состояния личности, но и механизмом ее правовой трансформации, о чем свидетельствует эмпирическое исследование Э. В. Зауторовой и Ф. И. Кевли (Зауорова, Кевля, 2022).

На рисунке 1 представлена циклическая модель переработки юридически значимой ситуации, в которой правовые копинг-стратегии рассматриваются как промежуточное звено между глубинными правовыми убеждениями и результатом совладающего поведения в правовой сфере. Модель подчеркивает, что копинг не является реакцией на объективную ситуацию как таковую, а формируется на основе субъективной интерпретации правового события, опосредованной личностной системой убеждений.

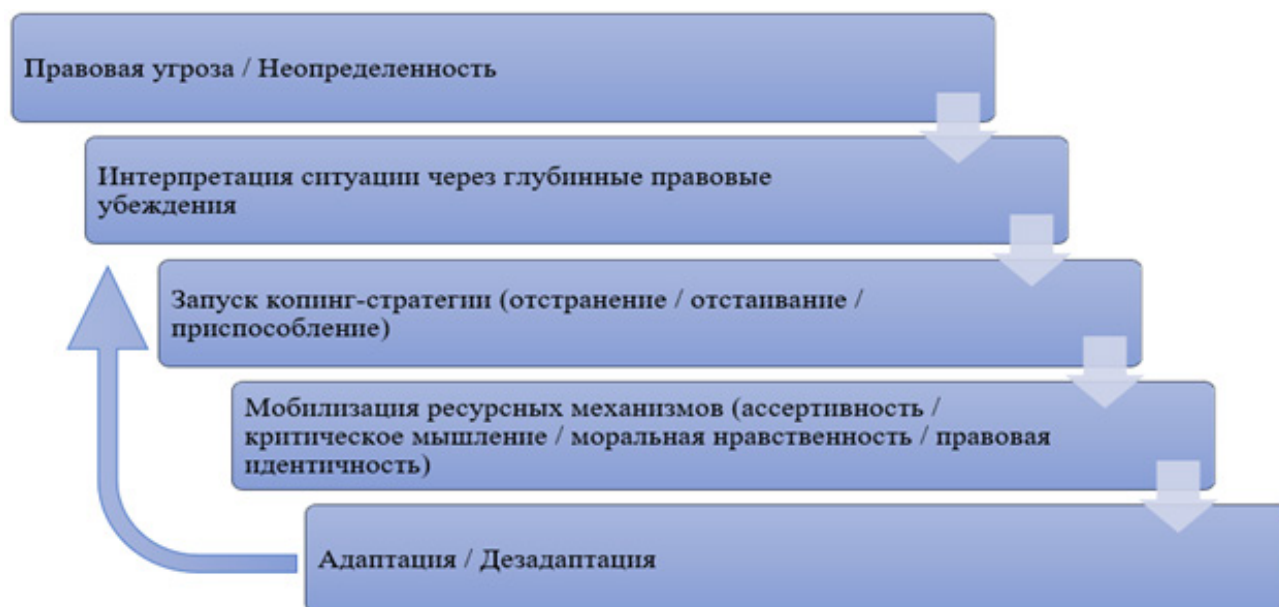

Рис. 1. Модель совладания с правовой ситуацией посредством копинг-стратегии

Fig. 1. Model of dealing with a legal situation via a coping strategy

Процесс начинается с возникновения правовой угрозы или ситуации неопределенности, что актуализирует необходимость выбора поведенческой реакции. Ключевым этапом модели выступает интерпретация правовой ситуации через призму глубинных правовых убеждений, уже сложившихся в структуре личности. Эти убеждения могут носить как ограничивающий (например, презумпция виновности – устойчивое ощущение себя как априори неправового субъекта; правовая некомпетентность – ощущение неспособности действовать в правовом поле; правовая отчужденность – переживание отстраненности от правовой системы), так и поддерживающий характер (например, презумпция достоинства – вера в равную ценность и законную защиту каждого; правовая причастность – внутреннее принятие себя как участника и субъекта правовой системы). Именно характер интерпретации определяет, какой тип копинг-реакции будет активирован: это может быть как избегание, уступка или протест, так и конструктивное вовлечение (намеренное участие в разрешении ситуации), инициатива, обращение к правовым механизмам (поиск легальных способов защиты и утверждения своих прав).

После этого реализуется сама копинг-стратегия, которая может варьироваться от автоматической и импульсивной до осознанной и рефлексивно выстроенной. Эффективность копинга при этом зависит от степени мобилизации внутренних ресурсных механизмов, таких как правовая идентичность (осознание себя как субъекта права, обладающего статусом, обязанностями и правом на защиту), ассертивность (умение отстаивать свои права без нарушения прав других), критическое мышление (способность анализировать ситуацию с учетом правовых последствий и альтернативных решений) и чувство морального равенства (убежденность в справедливом правовом обращении независимо от социального или правового статуса). Эти ресурсы выполняют функцию внутренних опор, позволяющих личности переработать ситуацию, минимизировать психологические потери и сохранить или укрепить ощущение себя как субъекта права.

На выходе мы имеем результат – адаптацию или дезадаптацию, который, в свою очередь, влияет на коррекцию или закрепление глубинных правовых установок. Таким образом, модель замыкается в цикл: каждая новая правовая ситуация становится не только внешним вызовом, но и внутренним механизмом, поддерживающим или трансформирующим структуру правового самосознания.

Модель позволяет трактовать правовые копинг-стратегии не просто как поведенческие реакции, но как динамический механизм переработки и формирования правовой идентичности. Она подчеркивает роль субъективной оценки, ресурсной обеспеченности и повторяемости юридических переживаний в развитии устойчивых правовых установок, лежащих в основе зрелого и активного правового самосознания.

Операционализация конструкта. Разработанная нами диагностическая модель, положенная в основу методики оценки правовых копинг-стратегий и убеждений, основывается на интеграции когнитивно-поведенческого подхода, модели совладающего поведения (Lazarus & Folkman, 1984), а также теории правового самосознания как конструкта регуляции поведения личности в социальном взаимодействии (Муслумов, 2019). В соответствии с ними, поведение субъекта в правовых стрессовых ситуациях опосредовано системой когнитивных фильтров – правовых убеждений, которые определяют выбор конкретной копинг-стратегии. По аналогии мы выделяем три типа правовых копинг-стратегий: отстраняющаяся (ориентированная на уход от правовой ситуации или ее игнорирование); отстаивающая (основанная на активном предъявлении правовых требований и защите интересов) и приспособительная (предполагающая поиск компромисса, принятие правовых реалий с сохранением внутренней стабильности).

Каждая из этих стратегий может реализовываться как в осознаваемой, произвольно регулируемой форме, так и в импульсивной, что позволяет учитывать не только поведенческую направленность, но и степень субъектного контроля. Выбор той или иной стратегии напрямую зависит от уровня сформированности обеспечивающих ее механизмов. Ими могут выступать критическое мышление, позволяющее анализировать правовую ситуацию, избегать крайностей и учитывать последствия; ассертивность – способность защищать свои интересы, соблюдая границы других и действуя в рамках права; правовая идентичность – осознание себя как субъекта правовых отношений, обладающего статусом и правом на защиту; чувство морального равенства – внутренняя установка на справедливое и равное обращение в правовой системе. Сформированность этих составляющих у личности обуславливает возможность выбора более гибких, адаптивных стратегий правового поведения, направленных не только на минимизацию психоэмоциональных потерь, но и на достижение результата. Данная структура соответствует современным представлениям о совладании как адаптивном процессе, вариативность которого определяется как внутренними убеждениями, так и ситуативным контекстом (Skinner et al., 2003).

Предлагаемый конструкт правового копинга ориентирован на интеграцию поведенческих, мотивационных и когнитивных компонентов. С этой целью используемые для диагностики индикаторы воспроизводят условия ситуации, а также оценивают индивидуальные и социальные представления о правовом поведении. Поведенческие паттерны (копинг-действия) диагностируются через выбор ситуационных сценариев (по аналогии с *situational judgment tests*, *SJT*), а когнитивная составляющая операционализирована в форме утверждений, отражающих промежуточные и глубинные убеждения. Таким образом, конструкт не только регистрирует, но и оценивает различные аспекты психологического механизма правового реагирования личности.

Отметим, что апробация психодиагностической методики «Профиль правовых копинг-стратегий и убеждений (ППКУ)» была проведена в 2025 г. на основе выборки из 160 студентов очной формы обучения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. В исследовании приняли участие 67 юношей (41,9 %) и 93 девушки (58,1 %). Средний возраст респондентов составил 21,4 года ($SD = 1,7$). Все участники имели базовый уровень правовой информированности, не являлись студентами юридических факультетов и не проходили на момент обследования специализированных курсов правового просвещения. Диагностика проводилась в групповой форме в аудиториях университета, в стандартных условиях. Время прохождения методики составляло 35–45 минут. Все респонденты были ознакомлены с этическими положениями участия и дали письменное согласие на обработку данных в анонимной форме.

Испытуемым предъявлялись пять ситуационных стимулов с вариантами выбора, 36 диагностических утверждений для оценки правовых убеждений и копинг-стратегий, а также утверждения блока метакогнитивной регуляции на основе самооценки проявления ресурсных механизмов (критическое мышление, ассертивность, правовая идентичность, моральное равенство). Варианты ответов фиксировались в электронном формате и обрабатывались с использованием статистического пакета SPSS v.27. Анализ внутренней согласованности показал удовлетворительные показатели по основным шкалам методики, что свидетельствует о возможности проведения дальнейшей психометрической оценки. Ее направлениями станет оценка параметров внутренней и внешней валидности, а также дискриминативности правового копинга в различных ситуациях с учетом специфики правосознания личности. В случае получения удовлетворительных результатов, методика, а вслед за ней и сам конструкт может быть подвергнут адаптации в разновозрастных выборках. Это позволит выявить общие

и особенные характеристики правового копинга подростковых, юношеских, молодежных и взрослых возрастных групп, открывая широкие перспективы для уточнения теоретических представлений о реагировании личности на правовые ситуации, будет способствовать получению новых знаний в области копинга и правосознания, выступающих исходными областями для нашего исследования.

Заключение

В статье теоретически обосновывается конструкт правового копинга, представляемый в виде стратегий реагирования личности на стресс, вызванный правовыми отношениями. Необходимость конструкта вызвана научными, методическими и прикладными проблемами правового поведения и правосознания молодежи.

Теоретическая значимость конструкта заключается в том, что он систематизирует копинг-реакции в правовой сфере в единой диагностической модели, опираясь на классификацию правовых стрессоров, типы совладающего поведения и когнитивные структуры личности. Теоретически подтверждена связь между стратегиями совладания и компонентами правового самосознания, что открывает новые возможности для эмпирических исследований в области юридической психологии, социальной педагогики, пенитенциарной и профилактической практики.

Методическая значимость конструкта определяется возможностью его реализации в виде методики. В частности, разработанная на его основе психодиагностическая методика «Профиль правовых копинг-стратегий и убеждений (ППКУ)» представляет собой инструмент для оценки стратегий совладающего поведения личности в правовых стрессогенных ситуациях. Методика основана на интеграции концептов копинг-поведения, когнитивной модели убеждений и представлений о правовом самосознании как регуляторной системе, обеспечивающей субъектную включенность индивида в правовое взаимодействие. Методика применима как в индивидуальном, так и в групповом формате, может быть интегрирована в правовые тренинги несовершеннолетних, программы развития правосознания, а также в систему психологического сопровождения в образовательных учреждениях и исправительных учреждениях ФСИН России. Перспективы исследования связаны с дальнейшей теоретической, методической и прикладной разработкой конструкта правовых копинг-стратегий.

Список литературы

- Абрекова, Н. Т., Пономарь, Е. В. (2024). Особенности совладающего поведения у сотрудников правоохранительных органов с разным уровнем агрессии. *Юридическая психология*, 1, 5–8.
- Андрианов, М. С. (2021). Психология участников уголовного судопроизводства: копинг-стратегии потерпевших. *Психология и право*, 11 (2), 178–192.
- Ветренко, Р. Н. (2023). Личностные особенности несовершеннолетних правонарушителей с дефектами правовой социализации. В Ю. А. Шаранов, В. Л. Ситников (ред.), *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения - 2023)*: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2023 года, стр. 148–153). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Григорьева, И. В., Ходжаев, А. В., Гамова, А. В., Кононов, С. С. (2022). Взаимосвязь копинг-стратегий с противоправным поведением зависимых от алкоголя лиц, находящихся в лечебно-трудовом профилактории. *Наркология*, 21 (10), 47–53.
- Емельянов, В. Е. (2003). *Правосознание личности: психолого-правовой анализ*. Москва: Юнити-Дана.

- Зауторова, Э. В., Кевля, Ф. И. (2022). Специфика психологической защиты у лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы за преступления против личности, и коррекционно-воспитательная работа с ними. *Пенитенциарная наука*, 16 (1 (57)), 107–114. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.57.1.011>
- Кузьмина, А. С., Довгань, К. Е. (2024). Юридическая казуистика и проблемы профессионального выгорания судей. *Психология и психотехника*, 4, 12–23.
- Лактионова, Е. Б., Пежемская, Ю. С. (2021). Оценка психологической безопасности ситуации и стратегии совладающего поведения подростков-правонарушителей. *Психология и право*, 11 (3), 62–76. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110305>
- Лебедев, И. Б. (2024). Копинг-поведение сотрудников ОВД, особенности его проявления в условиях СВО. *Вестник Московского университета МВД России*, 1, 271–275.
- Муслумов, Р. Р. (2019). Проблемы формирования правового самосознания личности. *Перспективы науки и образования*, 6 (42), 44–54.
- Ратинов, А. Р. (2016). Избранные труды. Москва: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации.
- Сабирова, Р. Ш., Умуркулова, М. М. (2018). Профессиональная мотивация полицейского как ведущая детерминанта копинг-поведения. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 8 (216), 98–103.
- Смолянкин, В. В., Алагуев, М. В., Тудупова, Т. Ц. (2023). Контроль стресса: определение, применение, перспективы исследований. *Мир психологии*, 1 (112), 39–51.
- Хитрова, А. В. (2024). *Нравственные основы и правосознание личности: социально-правовой аспект*. Симферополь: ООО "Издательство Типография "Ариал".
- Хохлова, Н. И., Шибаета, Л. В. (2024). Стратегии преодоления стрессовых ситуаций юристами зрелого возраста. *Северный регион: наука, образование, культура*, 25 (1), 48–53. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-1-7>
- Цветков, В. Л., Новосельская, С. Р. (2024). Исследование особенностей проявления механизмов психологической защиты и копинг-стратегий у сотрудников органов внутренних дел. *Вестник Московского университета МВД России*, 1, 294–302.
- Чертовикова, А. С. (2024). Особенности копинг-стратегий осужденных, состоящих на профилактическом учете. *Проблемы современного педагогического образования*, 84-2, 484–486.
- Шаранов, Ю. А., Устюжанин, В. Н. (2018). Ситуации неопределенности и слабоструктурированные проблемы как системные атрибуты правоохранительной деятельности. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 4 (80), 223–229.
- Шарипова, Ф. А. к. (2024). Особенности копинг-стратегий и психологического благополучия осужденных мужского и женского пола. *Психология и право*, 14 (4), 105–114. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140407>
- Cheng, C., Lau, H.-P. B., & Chan, M.-P. S. (2014). Coping flexibility and psychological adjustment to stressful life changes: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 140 (6), 1582–1607. <https://doi.org/10.1037/a0037913>
- Ewick, P., & Silbey, S. S. (1998). *The Common Place of Law: Stories from Everyday Life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal, and coping*. New York: Springer Publishing Company.
- Merry, S. E. (2006). *Human Rights and Gender Violence: Translating International Law into Local Justice*. Chicago: University of Chicago Press.
- Skinner, E. A., Edge, K., Altman, J., & Sherwood, H. (2003). Coping as a central process in the development of competence. *American Psychologist*, 58 (4), 194–204.

References

- Abrekova, N. T., Ponomar', E. V. (2024). Osobennosti sovladayushchego povedeniya u sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov s raznym urovnem agressii. *Yuridicheskaya psihologiya*, 1, 5–8.
- Andrianov, M. S. (2021). Psihologiya uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva: koping-strategii potervshih. *Psihologiya i pravo*, 11 (2), 178–192.
- Vetrenko, R. N. (2023). Lichnostnye osobennosti nesovershennoletnih pravonarushitelej s defektami pravovoj socializacii. V Yu. A. Sharanov, V. L. Sitnikov (red.), *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii* (Vasil'evskie chteniya - 2023): materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 20–21 aprelya 2023 goda, str. 148–153). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Grigor'eva, I. V., Hodzhaev, A. V., Gamova, A. V., Kononov, S. S. (2022). Vzaimosvyaz' koping-strategij s protivopravnym povedeniem zavisimyh ot alkogolya lic, nahodyashchihysya v lechebno-trudovom profilaktorii. *Narkologiya*, 21 (10), 47–53.
- Emel'yanov, V. E. (2003). *Pravosoznanie lichnosti: psihologo-pravovoj analiz*. Moskow: YUniti-Dana.
- Zautorova, E. V., Kevlya, F. I. (2022). Specifika psihologicheskoy zashchity u lic, otbyvayushchih nakazanie v mestah lisheniya svobody za prestupleniya protiv lichnosti, i korrekcionno-vospitatel'naya rabota s nimi. *Penitenciarnaya nauka*, 16 (1 (57)), 107–114. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.57.1.011>
- Kuz'mina, A. S., Dovgan', K. E. (2024). YUridicheskaya kazuistika i problemy professional'nogo vygoraniya sudej. *Psihologiya i psihotekhnika*, 4, 12–23.
- Laktionova, E. B., Pezhemskaya, YU. S. (2021). Ocenka psihologicheskoy bezopasnosti situacii i strategii sovladayushchego povedeniya podrostkov-pravonarushitelej. *Psihologiya i pravo*, 11 (3), 62–76. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110305>
- Lebedev, I. B. (2024). Koping-povedenie sotrudnikov OVD, osobennosti ego proyavleniya v usloviyah SVO. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 1, 271–275.
- Muslumov, R. R. (2019). Problemy formirovaniya pravovogo samosoznaniya lichnosti. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 6 (42), 44–54.
- Ratinov, A. R. (2016). *Izbrannye trudy*. Moskow: Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii.
- Sabirova, R. Sh., Umurkulova, M. M. (2018). Professional'naya motivaciya policejskogo kak vedushchaya determinanta koping-povedeniya. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 8 (216), 98–103.
- Smolyankin, V. V., Alagiev, M. V., Tudupova, T. C. (2023). Kontrol' stressa: opredelenie, primenenie, perspektivy issledovanij. *Mir psihologii*, 1 (112), 39–51.
- Hitrova, A. V. (2024). *Nravstvennye osnovy i pravosoznanie lichnosti: social'no-pravovoj aspekt*. Simferopol': OOO "Izdatel'stvo Tipografiya "Arial".
- Hohlova, N. I., Shibaeva, L. V. (2024). Strategii preodoleniya stressovyh situacij yuristami zrelogo vozrasta. *Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura*, 25 (1), 48–53. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-1-7>
- Cvetkov, V. L., Novosel'skaya, S. R. (2024). Issledovanie osobennostej proyavleniya mekhanizmov psihologicheskoy zashchity i koping-strategij u sotrudnikov organov vnutrennih del. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 1, 294–302.
- Chertovikova, A. S. (2024). Osobennosti koping-strategij osuzhdennyh, sostoyashchih na profilakticheskom uchte. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 84-2, 484–486.
- Sharanov, Yu. A., Ustyuzhanin, V. N. (2018). Situacii neopredelyonnosti i slabostrukturirovannye problemy kak sistemnye atributy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 4 (80), 223–229.

- Sharipova, F. A. k. (2024). Osobennosti koping-strategij i psihologicheskogo blagopoluchiya osuzhdennyh muzhskogo i zhenskogo pola. *Psihologiya i pravo*, 14 (4), 105–114. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140407>
- Cheng, C., Lau, H.-P. B., & Chan, M.-P. S. (2014). Coping flexibility and psychological adjustment to stressful life changes: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 140 (6), 1582–1607. <https://doi.org/10.1037/a0037913>
- Ewick, P., & Silbey, S. S. (1998). *The Common Place of Law: Stories from Everyday Life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal, and coping*. New York: Springer Publishing Company.
- Merry, S. E. (2006). *Human Rights and Gender Violence: Translating International Law into Local Justice*. Chicago: University of Chicago Press.
- Skinner, E. A., Edge, K., Altman, J., & Sherwood, H. (2003). Coping as a central process in the development of competence. *American Psychologist*, 58 (4), 194–204.

Информация об авторе

Рустам Рафикович Муслумов – доцент кафедры педагогики и психологии образования департамента психологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, кандидат психологических наук, доцент.

About the author

Rustam R. Muslumov – Associate Professor at the Department of Pedagogy and Psychology of Education of the Department of Psychology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Cand. Sci. (Psy.)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 05.06.2025
Одобрена после рецензирования 29.08.2025
Опубликована 28.10.2025

Submitted June 05, 2025
Approved after reviewing August 29, 2025
Accepted October 28, 2025